

ЮГОСЛАВСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ / СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1918–1924). ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА И ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ

Александр Животич

Доктор исторических наук, профессор,
Кафедра истории Югославии,
Философский факультет Белградского университета
Почтовый адрес: ул. Чика Любина, 18–20,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs
ORCID: 0000-0003-3237-7518

Аннотация

На основе опубликованных и неопубликованных архивных источников югославского и советского происхождения, а также соответствующей мемуарной и историографической литературы в статье рассматривается ход переговоров югославских и советских дипломатических представителей в 1918–1924 гг. о взаимном признании и установлении регулярных дипломатических отношений. Проанализированы обстоятельства, при которых начались переговоры, причины, побудившие к ним обе стороны, влияние заинтересованных держав и югославских союзников по Малой Антанте. Дипломатические шаги, предпринятые Королевством сербов, хорватов и словенцев сразу после окончания Первой мировой войны и направленные на нормализацию отношений с крупнейшей и важнейшей славянской страной, совпали с усилиями революционных властей России выйти из изоляции и занять свое место в международном сообществе. Хотя взаимные интересы диктовали быструю и эффективную нормализацию и возвращение взаимоотношений в нормальное состояние, ряд факторов обусловил провал переговоров. Проявились опасения Югославии, что взаимное признание приведет к усилению роли коммунистов в обществе и что большевистская пропаганда подорвет основания существующего государственного строя. Кроме того, особые подозрения вызывала негласная, а зачастую и прямая поддержка большевиками различных сепаратистских политических группировок в Югославии. Несмотря на ряд существенных политических факторов и на поддержку сближения с Советами значительной части общества, наиболее влиятельные деятели Радикальной партии во главе с Николой Пашичем, а также король Александр Карагеоргиевич относились к этой идее отрицательно.

Ключевые слова

Королевство сербов, хорватов и словенцев, Советский Союз, дипломатия, переговоры, Малая Антанта, король Александр, Никола Пашич, Георгий Чичерин

Статья поступила в редакцию 25 января 2023 г.

Статья доработана автором 3 марта 2023 г.

Статья принята в печать 30 мая 2023 г.

Цитирование: *Животич А.* Югославское королевство и Советская Россия / Советский Союз (1918–1924). Попытки заключения договора и взаимного признания. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 9–32. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.01>

THE YUGOSLAV KINGDOM AND THE SOVIET RUSSIA/ UNION (1918–1924). MUTUAL RECOGNITION AND TREATY ATTEMPTS

Aleksandar Životić

D. Sc., professor,
Department of History of Yugoslavia,
Faculty of Philosophy, University of Belgrade
Postal address: Čika-Ljubina str., 18–20,
Belgrade, 11000 Serbia
E-mail: aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs
ORCID: 0000-0003-3237-7518

Abstract

Based on published and unpublished archival sources of Yugoslav and Soviet origin, as well as relevant memoirs and historiography, the article examines the course of negotiations between the Yugoslav and Soviet diplomatic representatives in 1918–1924 on mutual recognition and establishment of regular diplomatic relations. The circumstances under which the negotiations began, the reasons that prompted both sides to them, the influence of the interested powers and the Yugoslav Little Entente allies are analyzed. The diplomatic steps taken by the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes immediately after the end of the First World War and aimed at normalizing relations with the largest and most important Slavic country coincided with the efforts of the revolutionary authorities of Russia to break out of isolation and take their place in the international community. Although mutual interests dictated the rapid and effective normalization, a number of factors caused the failure of negotiations. There were fears in Yugoslavia that mutual recognition would lead to a strengthening of the role of Communists in society and that Bolshevik propaganda would undermine the foundations of the existing state system. In addition, the tacit and often direct support of various separatist political groups in Yugoslavia by the Bolsheviks was particularly suspicious. Despite a number of significant political factors and support for rapprochement with the Soviets of a significant part of society, the most influential figures of the Radical Party led by Nikola Pašić, as well as King Alexander Karageorgievich, reacted negatively to this idea.

Keywords

Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Soviet Union, diplomacy, negotiations, Little Entente, King Alexander, Nikola Pašić, Georgy Chicherin

Received 25 January 2023

Revised 3 March 2023

Accepted 30 May 2023

For citation: Životić, A., 2023. Jugoslavskoe koroľevstvo i Sovetskaia Rossiia/Sovetskii soiuz (1918–1924). Popytki zakliucheniia dogovora i vzaimnogo priznaniia [The Yugoslav Kingdom and the Soviet Russia/Union (1918–1924). Mutual Recognition and Treaty Conclusion Attempts]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (1–2), pp. 9–32. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.1-2.01>

На начало Первой мировой войны пришелся своего рода пик сербско-российских отношений. Поддержка Россией Сербии в самом начале войны, огромная военная и материальная помощь, которую Россия оказывала в течение двух лет, совместные боевые действия на Салоникском фронте и российская дипломатическая защита сербских интересов обусловили тот факт, что Сербия рассчитывала на поддержку могущественной Российской империи¹. Однако перемены, произошедшие в России в начале 1917 г. и другие события, вызванные Февральской революцией, изменили прежний характер сербско-российских отношений. Революционные события 1917 года и последующий выход России из войны определили дальнейшую судьбу отношений Королевства Сербия, а затем Королевства сербов, хорватов и словенцев с Советской Россией.

Поначалу сербы надеялись, что смогут рассчитывать на поддержку тех, кто пришел к власти в Петрограде в результате революции. Сербское правительство было воодушевлено, когда сам Владимир Ильич Ленин в переговорах с сербскими дипломатическими представителями осудил агрессию Центральных держав в отношении Сербии, выразив уважение к ее борьбе за объединение югославянских народов, а новый министр иностранных дел Чичерин заявил, что советское правительство будет настаивать на полном уважении права народов на самоопределение и, следовательно, — сербского «с целью решения собственной судьбы». Кроме того, позиция большевиков в отношении будущих мирных договоров, основанная на принципе отказа от аннексий и контрибуций, была на руку правительству Сербии, чья национальная территория находилась в то время под австро-венгерской и болгарской оккупацией. Вот почему сербское правительство заняло официальную позицию непротivления провозглашенным принципам русской революции, ибо, как писал Никола Пашич в инструкции посланнику в Пет-

¹ О сербско-российских отношениях в ходе Первой мировой войны и российской политике на Балканах подробнее см.: *Трубецки Г. Н.* Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд: Просвета, 1994; *Шtrandман В.* Балканске успомене. Београд: Жагор, 2009; *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд: Српска књижевна задруга, 1984; *Димић Љ., Радојевић М.* Србија у Великом рату (1914–1918). Кратка историја. Београд: СКЗ; Београдски форум за свет равноправних, 2014; *Станковић Ђ.* Никола Пашич, савезници и стварање Југославије. Зајечар: Задужбина «Никола Пашич», 1995; *Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд: Службени гласник, 2007; *Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата / приређ. А. Тимофејев, Д. Кремић.* Београд: Институт за новију историју Србије, 2014; За балканским фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М.: Кучково поле, 2014–2015. Т. I–IV; *Тимофејев А.Ю.* Февральская революция 1917 г. и Сербия. Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 16–40. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40>; *Вишняков Я.В., Тимофејев А.Ю., Милорадович Г.* На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. М.: МГИМО-Университет, 2018; *Романенко С.А.* Советско-югославские отношения в контексте ситуации в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе в 1920-е гг. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 6(80). С. 15. <https://doi.org/10.18254/S207987840005991-9>

рограде Мирославу Спалайковичу, Сербия также борется «за освобождение от немецкой оккупации, чтобы завоевать свободу и право на самоопределение для своего народа». Спалайковичу было поручено установить официальные контакты с советской делегацией, которая вела переговоры в Бресте, и передать точку зрения сербского правительства в форме официального заявления. Он получил заверения, что советские делегаты будут настаивать на защите интересов югославянских народов.

Сербское правительство сочло заключение мира с Германией актом, противоречащим его интересам, поэтому Спалайкович получил приказ прекратить контакты с новым правительством. Поскольку сербы формально не признали советскую власть, можно сказать, что взаимные отношения никогда не устанавливались, но имели место на практике. До подписания мира в Брест-Литовске сербское правительство пыталось поддерживать контакты с новыми властями в интересах югославянского объединения, а также сбора добровольцев и отправки их на Салоникский фронт². Со своей стороны и советское правительство не было заинтересовано в разрыве дипломатических связей. Вследствие германского наступления на Петроград сербское посольство эвакуировалось, а в городе остался поверенный в делах Радослав Йованович³.

Интервенция Антанты, поддержанная сербскими властями, а также деятельность коммунистов-югославян негативным образом сказались на деятельности посольства. В ноябре 1918 г. из России отбыла и военная миссия. Временный поверенный в делах Йованович, получивший от большевиков

² О сборе добровольцев в России подробнее см.: Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 / приређ. Н. Поповић. Београд: Удружење добровољаца 1912–1918, 1977; Јовановић И., Рајковић С., Рибар В. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд: Војно дело, 1954; Максимовић В. Споменица Прве српске добровољачке дивизије 1916–1926. Београд: Просвета, 1926; Добровољци у ратовима 1912–1918. Доживљаји и сећања / уред. Ј. Митровић. Београд: Удружење добровољаца 1912–1918, 1971; Добровољци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца: зборник радова са научног скупа одржаног у Кикинди 11. и 12. априла 1996. / уред. П. Качавенда. Београд: Удружење ратних добровољаца 1912–1918, њихових потомака и поштовалаца; Кикинда: Комуна, 1996; Вишняков Ј., Тимофеев А., Милорадовић Г. Армија без государства. От сербског к југославянском добровољаческом корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов. М.: Российский институт стратегических исследований, Российское военно-историческое общество, Институт И. Андрича — Отдел истории, 2014; Мицић М. Српско добровољачко питање у Великом рату 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар; Београд: Радио-телевизија Србије, 2014; Он же. Српски добровољци 1914–1918: животи, сећања. Ново Милошево: Банатски културни центар; Српска Црња: Народна библиотека «Бура Јакшић», 2016; Он же. Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар, 2016.

³ Свои воспоминания о дипломатической службе и революции в России Радослав Йованович оформил в виде донесения министру иностранных дел: Јовановић Р. Ст. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Р. Ст. Јовановић, 1925.

разрешение на использование дипломатических прерогатив, сосредоточился на репатриации соотечественников и недопущении их участия в интервенции. Изменение отношения советских властей к югославским дипломатам последовало в марте 1919 г., что было вызвано образованием Югославского совета рабочих и крестьянских депутатов, присвоившего полномочия югославского консульства. Это поставило под угрозу и без того шаткое положение дипломатов. В течение следующего месяца совет закрыл югославские дипломатические представительства и консульства. Таким образом, 3 марта 1919 г. состоялся и формальный разрыв дипломатических отношений.

При располагавшемся в Омске правительстве адмирала Колчака, признанного Королевством СХС в мае 1919 г., находился консул Йован Миланкович, имевший чин поверенного в делах⁴. До февраля 1920 г. он оставался последним югославским дипломатом в царской России. Эвакуацию югославских граждан завершила военная миссия во Владивостоке вместе с секретарем Божидаром Пуричем. Так закончилось югославское дипломатическое присутствие в России⁵.

Король Александр и югославское правительство твердо стояли на позициях непризнания советской власти и поддержания официальных связей с русской эмиграцией и правительством в Омске. В надежде на победу Белых сил состоялось назначение посланника Маты Бошковича, который в Париже ожидал исхода противостояния и отъезда в Россию. Со своей стороны, союзники Югославии подходили к проблеме более прагматично. Великобритания, стремившаяся установить торговые отношения с Советами, предложила главе югославской дипломатии, находившемуся в Лондоне, встретиться с членами советской делегации. Британское правительство склонялось к установлению постоянных отношений с Советами, потому что такая политика привела бы к миру. К тому же большевики имели реальную власть в стране, что делало их решающим политическим фактором. В Лондоне полагали, что, если советские представители хотят мира с Польшей, то с ними следует наладить связи, а если они будут настаивать на большевизации Польши и распространении своей пропаганды в других европейских странах, то надлежит занять сдержанную позицию и даже

⁴ Архив Југославије (далее — АЈ), Ф. 341 (Посланство у Лондону), К. 31. А. Ј. 104. 5453. (Телеграм Стојана Протића Посланству у Лондону од 27. априла 1919.)

⁵ О разрыве дипломатических отношений с Россией подробнее см.: Поповић Н. Б. Србија и Руска револуција 1917–1918. Београд: Завод за уџбенике, 2014; Он же. Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији. Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века / уред. М. Војводић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2011. С. 185–203; Силкин А. А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году. Славяноведение. 2021. № 5. С. 16–32. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0016742-9>; Silkin A. Delatnost Centralnog jugoslovenskog biroa pri CK RKP(b) u Moskvi 1920–1921. Istorija 20. veka. 2021. № 2. S. 261–278. <https://doi.org/10.29362/ist20veka.2021.2.sil.261-278>

прекратить все контакты, в том числе и экономические. Кроме того, британцы ожидали исхода мирных переговоров с польским правительством в Минске и твердо придерживались линии на установление отношений с Советами при условии, что те не станут нарушать достигнутые мирные договоренности и откажутся от большевистской пропаганды. Такая позиция Альбиона облегчала положение югославской стороны. Что касается находившегося в Лондоне министра иностранных дел Королевства СХС Анте Трумбича, то он, по предложению советских представителей, встретился с ними 18 августа 1920 г. А именно, один из эмиссаров Москвы инициировал контакт с Трумбичем, заявив, что хочет рассмотреть перспективу торговых связей между двумя странами, которые будут установлены после урегулирования отношений между Россией и великими державами, то есть определения ее нового статуса в международном сообществе. Обсуждалась также репатриация югославских подданных — бывших австро-венгерских военнопленных. Министр отметил, что Советам мало известно о новом югославском королевстве и его положении на международной арене. Кроме того, глава МИД не преминул подчеркнуть, что Югославия получила признание со стороны союзных и нейтральных государств — как в ходе мирной конференции, так и путем подписания двусторонних соглашений. Спустя несколько дней новое правительство во главе с Миленко Весничем приказало Трумбичу прервать переговоры с советской делегацией и немедленно вернуться в Белград⁶. Так, по-видимому, из-за вмешательства принца-регента Александра переговоры завершились, едва успев начаться⁷.

Очевидно, опасаясь того, что контакты с Советами могут послужить импульсом к развитию коммунистического движения в стране, а также испытывая давление со стороны королевского двора, югославское правительство, уже столкнувшееся к этому времени с организованными коммунистами беспорядками и забастовками, решило прекратить переговоры с Советами о возможном дипломатическом признании.

Несмотря на срыв переговоров, советская сторона, стремясь выйти из международной изоляции, пыталась установить дипломатические отношения с Королевством СХС. В этой связи пришла кстати инициатива Белграда, направившего в Эстонию специального эмиссара профессора Драголюбa Илича, вернувшегося из России в начале 1920 г. В августе он приехал в Ревель с поручением начать с тамошним советским представителем неофициальные переговоры о взаимном признании. По прибытии

⁶ А. Ж. Ф. 334 Министерство иностранных послова Краљевине Југославије. ПО. Фасц. 17. Д. 47, Телеграм Анти Трумбићу од 26. августа 1920.

⁷ О югославско-советских переговорах подробнее см.: *Krizman B. Vanjska politika jugoslovenske države 1918-1941. Diplomatsko-historijski pregled.* Zagreb: Školska knjiga, 1975; *Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919-1929: pitanje priznanja SSSR-a i uspostavljanje jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. Istorija XX veka.* 1965. Knj. VII. S. 93-186; *Idem. Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919-1926). Pregled.* 1967. № 9. S. 221-231.

Илич передал своему визави послание югославского правительства о том, что оно считает необходимым, чтобы советская сторона заявила: хочет она «сближения с Югославией» или нет. В случае положительного ответа предлагалось начать двусторонние переговоры в Москве, Праге или каком-либо другом месте. В ответ нарком иностранных дел Г.В. Чичерин 13 октября 1920 г. обратился с предложением об установлении прочных дружеских связей и обмене полномочными представителями. Чичерин призывал, предав забвению прошлые разногласия, начать переговоры, направленные на решение актуальных проблем⁸. В декабре того же года Советы повторили свое предложение, подчеркивая необходимость близких и дружественных двусторонних отношений. При этом Чичерин не упустил возможность осудить поддержку Югославией белогвардейской эмиграции и ее действий, называя такую политику Белграда противоречащей устремлениям большей части как русского народа, так и югославян, которые желали установления отношений с Советами⁹. В то же время нарком подчеркивал, что советское правительство выступает за независимость малых народов, а также что оно не намерено разрушать Чехословакию или другие государства — члены Малой Антанты¹⁰. Ответа с югославской стороны не последовало. По-видимому, опасаясь, что налаживание регулярных дипломатических контактов с Советами воодушевит местных коммунистов, предпринявших ряд акций по свержению существующего строя, югославское правительство не желало начинать переговоры с представителями Советской России.

После этого переговоры о репатриации проходили при посредничестве Лиги наций. Югославское правительство рассматривало русских эмигрантов в качестве эмигрантов политических, которые, оказавшись в Югославии в силу обстоятельств, имели право при желании остаться в ней. Русские беженцы, которые начали прибывать волнами после победы большевиков в Гражданской войне в России, обрели на Балканах не только временное убежище, но и свое новое отечество. Из двухмиллионного потока около 44 000 оказались в Королевстве СХС. Часть их продолжила свой путь, в основном, в страны Центральной и Западной Европы, а около 27 000 человек навсегда осели среди югославов и сербов.

Традиционная дружба и близость сербского и русского народов, теплота белградской и, в целом, сербской среды, духовное родство побудили

⁸ Советско-югославские отношения, 1917–1941 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. В.В. Зеленин, С. Цветкович. М.: Наука, 1992. С. 103. (Телеграмма наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина представителю Королевства СХС Д. Иличу о желании Советского правительства установить дружеские отношения с Королевством СХС, 13 октября 1920 г.)

⁹ Там же. С. 110. (Радиограмма НКВД РСФСР МИД Королевства СХС о взаимных симпатиях народов обеих стран, поддержке властями Королевства врангелевцам и стремлении Советского правительства к нормализации отношений между двумя странами, 10 декабря 1920 г.)

¹⁰ *Krizman B. Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941... S. 71.*

многих русских эмигрантов избрать Белград и Сербию своим постоянным местом жительства. Работая в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения, армии, промышленности, журналистики и во многих других областях, они оказали неоценимые услуги сербскому и югославскому обществу. Огромное количество памятников, художественных и научных работ наглядно свидетельствуют об их вкладе в развитие нового отечества¹¹.

Последовавшее в конце года требование в адрес Югославии направить запрос на репатриацию своих подданных представляло собой очередную попытку Москвы поднять проблему установления дипломатических отношений. Никола Пашич, формулируя позицию югославской дипломатии, исходил из общеизвестной и неоднократно артикулированной благодарности России за помощь, оказанную на начальном этапе Первой мировой войны. Также подчеркивалось, что официальный Белград не готов признать Советы до тех пор, пока те не подпишутся под принципом суверенитета народов, особенно русского. В связи с вышеизложенным Пашич подвергся резкой критике со стороны оппозиции¹².

Одним из поворотных моментов в отношениях с Советской Россией стала конференция в Генуе по восстановлению мировой экономики, созванная премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем в мае 1922 г. На конференцию была приглашена и советская делегация. Слухи о том, что на югославской территории готовится военная акция против советских властей, особенно осложняли положение Королевства СХС. Ответ Белграда на подобные обвинения не замедлил последовать. Его позиция основывалась на защите принципа нейтралитета и отрицании любого участия Югославии в подготовке военных действий. Не была упущена возможность напомнить большевикам, что Югославия последовательно занимает нейтральную позицию, несмотря на то, что те пытались осуществить революцию на ее территории посредством «террористической акции», что подтвердил в своем заявлении и сам министр Нинчич. Со своей стороны, премьер-министр Никола Пашич в духе своей двойственной политики резюмировал югославское отношение к Советской России крылатой фразой о том, что Королевство СХС не помогает Советам, но и не мстит им.

Перед началом конференции Чичерин заявил, что Советы не вмешиваются во внутрюгославские дела и что он лично хотел установить прямой контакт

¹¹ О прибытии русских беженцев в Югославию подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996; *Он же.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Читоја штампа, 2006; *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд: Тгасо; Институт за савремену историју, 1998; *Он же.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004; *Беломиграција у Југославији 1918–1941 / приређ. Т. Миленковић, М. Павловић.* Београд: Институт за савремену историју, 2006. Т. I–II.

¹² Никола Пашић у Народној скупштини / приређ. Ђ. Станковић. Београд: Службени лист СРЈ, 1998. Књ. IV. С. 255–257.

с югославскими эмиссарами в Вене, но югославское правительство отказалось. Он открыто сказал, что хочет встретиться с сербами, но они не должны помогать русской эмиграции. Советская дипломатия использовала конференцию для масштабного проникновения в Европу, однако требование Москвы о представительстве Черногории на конференции, отражавшее непризнание упразднения ее суверенитета, еще более осложнило отношения с Белградом. На это заявление отреагировал Коста Кумануди¹³, в то время как секретарь Чичерина, стремясь сгладить негативное впечатление, заявил, что сказанное его шефом следует воспринимать как реакцию на югославскую поддержку русской эмиграции. Озвучив желание наладить коммуникацию с Белградом, советские представители тут же в ультимативной форме потребовали прекратить оказание помощи русской эмиграции. Как красная тряпка на быка, на югославскую сторону подействовали утверждения Чичерина, что в Королевстве СХС угнетению подвергаются черногорцы, македонцы и хорваты.

В ходе самой конференции состоялась встреча Чичерина с главой МИД Момчило Нинчичем, которому соответствующее разрешение по телеграфу дал премьер-министр Пашич, полагавший, что Югославия из политических соображений не может отказывать Советскому Союзу в установлении контактов¹⁴. При этом Нинчич назвал ложными толки о каких-то военных приготовлениях в Югославии, а Чичерин подтвердил стремление СССР установить дипломатические отношения. Было решено, что Нинчич передаст это своему правительству, а Чичерин опровергнет слухи о поддержке Югославией военных действий. Обе стороны договорились о проведении встреч в третьих странах до официального взаимного признания.

Сам министр Нинчич, докладывая Народной скупшине о гипотетическом признании Советского Союза, вынужден был преподносить проблему в общем, отвлеченном ключе. Дескать, в экономическом отношении Россия не представляет особого интереса для Югославии, так как и до Первой мировой войны югославянские предприниматели не имели там крупных торговых или промышленных предприятий, интересы которых теперь следовало бы защищать, а насущные потребности в импорте Королевство СХС может удовлетворить при помощи иных стран. Почти оправдываясь, он сказал, что югославская сторона настороженно восприняла известие о приезде советских представителей на конференцию в Генуе, что международный статус Советов в результате остался неизменным и что возглавляемая им делегация твердо стояла на своих позициях и ничего не изменила в своем отношении к Советам. Нинчич также заявил, что Советы послали представителей на конференцию не для установления экономических связей, а в надежде на широкое международное признание, что, по его словам, и произошло на самой конференции.

¹³ Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд: БИГЗ, 1995. С. 175.

¹⁴ Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929. S. 119.

Выводы, которые глава МИД озвучил в конце выступления, представляли собой своего рода послание советской стороне и открывали простор для возможного продолжения переговоров. Заявив, что отношение к Советам останется таким же, как и до конференции, Нинчич подчеркнул, что Югославия не станет вмешиваться во внутренние дела Советской России и будет неизменно придерживаться заявленного принципа нейтралитета. Он повторил, что югославское королевство не участвовало ни в военной интервенции, ни в международном бойкоте, организованном великими державами в отношении Советской России, и что югославское государство ни в коем случае не будет центром каких-либо действий, предпринимаемых против нее¹⁵. Хотя во многих моментах речь носила нейтральный и даже покаянный характер, она ясно отражала югославскую позицию и открывала возможность для новых контактов.

Реагируя на вышеописанное выступление, белградская общественность принялась спекулировать относительно скорого установления дипломатических отношений, на что правительству пришлось официально заявить, что его дальнейшие шаги будут согласовываться с правительствами союзных стран. Такая позиция Югославии оставляла достаточно пространства для будущих переговоров, которые не нарушили бы ее отношений с традиционными союзниками по прошлой войне.

Переговоры продолжились в Берлине в конце 1922 г. Обсуждалось учреждение института правительственных делегатов, которые занимались бы репатриацией и торговлей и имели бы статус дипломатических представителей. Югославское правительство не возражало, поначалу соглашаясь с наделением советского представителя лишь статусом делегата Красного Креста. В основу советского предложения был положен принцип создания временных представительств, которые занимались бы репатриацией и пользовались дипломатическими правами и привилегиями, полагавшимися миссиям СССР в странах, не признавших Советский Союз, — Норвегии, Италии, Великобритании, Чехословакии. Советы не настаивали на подписании отдельного договора и соглашались на обмен нотами, в которых уточнялся бы дипломатический статус представительств¹⁶. Также Москва не требовала учреждения дипломатических миссий и предлагала ограничить взаимные сношения обменом торговыми представителями. При этом Советы считали этот уровень отношений минимально допустимым, утверждая, что миссия Красного Креста не может заменить дипломатическое или торговое представительство, обладающее полной дипломатической дееспособностью¹⁷.

¹⁵ Нинчић М. Спољна политика Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца у год. 1922–24. Говори и експозе у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924. С. 10–12.

¹⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 13. П. 76. Д. 1096. Л. 111. (Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полномочному представителю в Германии Н.Н. Крестинскому, 28 октября 1922 г.)

¹⁷ Там же. Л. 130. (Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полномочному представителю в Германии Н.Н. Крестинскому, 5 ноября 1922 г.)

На конференции в Лозанне в 1922 г. М. Нинчич встретился с советскими делегатами. Те пытались расположить к себе собеседников, акцентируя намерение своего руководства установить более тесные контакты с югославским правительством, ссылаясь на исторические связи и традиции. Точно так же они подчеркивали решимость Москвы проводить политику невмешательства во внутренние дела Югославии. Советские прогнозы были крайне оптимистичны и внушали уверенность, что в ближайшем будущем взаимные отношения будут урегулированы. Сам Чичерин произвел на членов югославской делегации очень выгодное впечатление. По свидетельству Милана Антича, он произнес замечательную речь, поэтому все делегации искали возможность с ним встретиться.

Непосредственный контакт с министром Нинчичем был установлен через профессора Драголюбa Илича¹⁸. По-видимому, тогда же удалось достигнуть договоренности об обмене делегатами, которая вскоре была сорвана усилиями российского представителя в Белграде В.Н. Штрандтмана, добившегося высочайшего вмешательства. В результате Н. Пашич поручил югославской дипломатии поддерживать контакты с Советами исключительно за границей. Однако было дано официальное согласие на приезд советского представителя Красного Креста Корешкова, прибывшего в Белград из Софии, дабы договориться о репатриации югославских подданных и некоторых русских эмигрантов. Прибытие делегации советского Красного Креста в Белград получило в России особую огласку. Московская пресса открыто писала, что, хотя официальные переговоры еще не начались, белогвардейская эмиграция в Югославии опасается возможного сближения двух стран в случае успеха переговоров¹⁹. Белградская общественность с удвоенным интересом следила за происходившим, а Штрандтман не замедлил обратиться за поддержкой ко двору, премьеру Н. Пашичу и помощнику главы МИД Милану Гавриловичу.

Советы придавали этой миссии особое значение, утверждая, что после первых неудачных попыток по установлению дипломатических отношений конференция в Генуе стала важным шагом к дальнейшему сближению. Они подчеркивали, что русский народ питает особую симпатию к своим югославянским братьям, и что единственным препятствием для сближения является русская эмиграция. Однако неизменность советской позиции, расценивающей установившийся порядок в Европе как выражение «версальского диктата» и акцентирующей внимание на том, что народы Черногории, Македонии, Далмации и Хорватии были включены в состав югославского государства без проведения специального плебисцита, только усилила недоверие и подозрительность югославских дипломатических кругов в отноше-

¹⁸ Архив Српске академије наука и уметности (далее — АСАНУ), 14387 — Оставштина Милана Антића. 8500. (Белешка о југословенско-совјетским односима).

¹⁹ Советско-югославские отношения... С. 141. (Сообщение газеты «Известия» о прибытии миссии Российского Красного креста в Белград, 15 декабря 1922 г.)

нии Советов. Последние, стремясь преодолеть международную изоляцию, придавали особое значение установлению дипломатических отношений с Югославией как важной славянской страной. Самому Чичерину было непонятно, почему югославская сторона, начавшая переговоры о взаимном признании и достигшая соглашения об обмене делегациями, не выполнила его, несмотря на явную договоренность. Москва внимательно следила за событиями в Югославии и констатировала повышенный интерес белградской общественности к урегулированию отношений с Советами. По мнению Чичерина, достижение консенсуса с Югославией открывало возможность проникновения на Балканы, а также участия в решении «восточноевропейских вопросов». Он ожидал реакции Югославии на советские инициативы, но ответ постоянно откладывался под предлогом внутривластных проблем или, чаще всего, по вполне тривиальным причинам²⁰.

Хотя начало 1923 г. принесло Югославии ряд внешнеполитических успехов, осень того же года ознаменовалась новыми проблемами. Все чаще звучали разговоры об окружении и региональной изоляции Югославии и необходимости налаживания связей с Советами. Сам Никола Пашич говорил, что в сложившихся обстоятельствах нужно установить торговые отношения с Россией, а министр Нинчич заявил чехословацкому представителю, что югославское королевство установит полуофициальные контакты с Советами, как это сделала Чехословакия²¹. Чичерин особенно недоумевал, почему югославское государство, находившееся в трудном международном положении и постоянно опасавшееся за свою безопасность, не желало расширять свою внешнеполитическую базу путем урегулирования спорных вопросов с Советами и достижения соглашения с ними²². Боясь возможных последствий внутри страны, столкнувшись с внешним давлением, югославское правительство, не желая рисковать в щекотливый момент, решило отклонить предложение министра Нинчича начать переговоры с советскими представителями в Берлине с целью установления дипломатических отношений между Королевством СХС и Советским Союзом²³.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 6: 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. / ред. колл. Г.К. Деев, А.Ф. Добрынин, П.И. Ершов, М.А. Костылев, Н.В. Матковский, М.В. Попов. С. 403. (Письмо народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР в Австрии В.В. Левицкому, 3 августа 1923 г.)

²¹ *Vinaver V. Pašić, radikali i pitanje...* S. 223.

²² Советско-югославские отношения... С. 145. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина полномочному представителю СССР в Австрии М.В. Левицкому по вопросу об отношении Королевства СХС к СССР, 13 сентября 1923 г.)

²³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных архивов начала — середины 1920-х годов) / под ред. Р.П. Гришиной. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1. С. 88–89. (Письмо М.В. Левицкого Г.В. Чичерину о возможности приезда в Болгарию новой миссии РОКК и об отклонении Советом министров Югославии предложения начать переговоры с СССР, 16 августа 1923 г.)

Конец 1923 г. был отмечен новой инициативой по урегулированию отношений с СССР. Парламентский запрос депутатов от Земледельческой партии придал новый импульс старым дебатам. Многие политики, журналисты и бывшие дипломаты расценили это как повод начать дискуссию на страницах белградской прессы. Хотя ожидалась «поучительная и интересная» дискуссия в парламенте, прозвучало предостережение, что вопрос нужно понимать, а затем рассматривать не как вопрос текущей партийной политики, а как значимую государственную проблему. Авторитетный дипломат и бывший член Югославянского комитета Франо Цветиша, реагируя на начавшиеся дебаты, подверг резкой критике высокомерную позицию Югославии в отношении советского правительства и ее курс, характеризуя поддержку различных представителей прежних властей в России даже после того, как они потерпели поражение. Речь шла, в частности, о «г. Штрандтмане — главе русского посольства здесь с его многочисленными секретарями». Цветиша назвал «политической фикцией» помощь «старой России» и игнорирование того факта, что «Россией правят большевики». Однако он объяснял это не намерением поддержать старый режим, а благодарностью тем, кто помогал сербскому народу в самые трудные минуты²⁴. Выступая за установление регулярной дипломатической связи с Советским Союзом, он перечислил ряд практических и традиционных преимуществ такой договоренности, подчеркивая при этом необходимость для Югославии держаться подальше от любых дискуссий о продолжительности большевистского режима в России и попыток смены власти в ней. Цветиша был твердо уверен, что в решении этих вопросов следует полагаться исключительно на «политическую зрелость русского народа», а Югославии надлежит поддерживать существующий статус русских беженцев. Вот почему он считал, что югославскому правительству не надо бежать впереди своих союзников, а надлежит, подобно Чехословакии, восстановить торговые связи и тем самым создать подходящую основу для будущего всеобъемлющего урегулирования двусторонних отношений²⁵.

Несмотря на понимание необходимости решения спорного вопроса, правительство все же колебалось. Это объяснялось особым мнением короля Александра, опасениями возможного распространения большевизма, а также позицией союзников Королевства СХС, в первую очередь Франции и Великобритании, и партнеров по Малой Антанте — Румынии и Чехословакии.

Советы добились довольно значительных успехов в борьбе за выход из изоляции уже в начале 1924 г. Последовало их признание Великобританией, Италией и Францией, анонсированное в конце предыдущего года, что облегчило положение СССР, ставшего полноправным партнером в между-

²⁴ *Цветиша Ф.* Односи са Совјетском Русијом. Прилог дискусији у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924. С. 9–10.

²⁵ Там же. С. 13–16.

народных отношениях. Чехословацкие официальные лица заблаговременно проинформировали Николу Пашича о грядущем франко-советском сближении²⁶. Это произвело на того сильное впечатление, заставив в силу самого характера югославо-французских связей несколько скорректировать свое отношение к Советскому Союзу. Давление со стороны белградской общественности, авторитетных интеллектуальных кругов и Демократической партии, побуждавших присоединиться к процессу признания Советского Союза и тем самым последовать политике великих держав и бывших военных союзников, было очень сильным.

Соответственно встал вопрос о признании Советского Союза странами Малой Антанты. Готовясь к конференции союзников в конце 1923 г., министр Нинчич предписал посланнику в Праге Любомиру Нешичу установить официальный контакт с советским представителем Юренёвым. В ходе беседы Нешич отрицал наличие у него полномочий вести официальные переговоры, но выразил уверенность, что вопрос будет решен на предстоящей конференции стран — участниц Малой Антанты и что официальные переговоры начнутся в Праге в начале следующего года²⁷. Реагируя на югославскую инициативу, Чичерин проинформировал Юренёва о ходе предыдущих переговоров, сообщив детали, которые в настоящее время не могут быть полностью проверены. Он передал своему представителю в Праге, что у него было несколько коротких случайных встреч с югославским министром Нинчичем, а также один конфиденциальный ужин, в ходе которого удалось договориться об обмене репатриационными или торговыми миссиями. При этом речь шла о государственных миссиях, а не миссиях Красного Креста, как изначально хотел Нинчич. По словам Чичерина, во время той же встречи говорилось о настроениях югославского общества, которое все больше склонялось в пользу нормализации отношений с Советами. Как утверждал нарком, Нинчич тогда жаловался, что белоэмигранты в Югославии вооружены, и обещал, что они будут разоружены, а страна перестанет быть центром их сбора. Главы внешнеполитических ведомств встретились и в Лозанне, обсудив обмен делегациями, общие усилия по взаимному сближению и желание югославского правительства дистанцироваться от белой эмиграции. Чичерин симпатизировал Нинчичу, считал его человеком искренним, но не обладающим реальной властью и самостоятельностью в принятии далеко идущих решений.

Со своей стороны, британская дипломатия полагала, что в югославском правительстве, как и в обществе в целом, превалирует убеждение, что отношения с Москвой должны быть установлены. При этом Никола Пашич,

²⁶ Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. Praha: Historický ústav, 2016. S. 233.

²⁷ Советско-югославские отношения... С. 149. (Телеграмма представителя СССР в Чехословакии К.К. Юренёва зам. наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинову о возможности переговоров по нормализации отношений между СССР и Королевством СХС, 4 декабря 1923 г.)

по оценке британцев, не хотел предпринимать ничего, что не соответствовало бы конкретным шагам великих держав в этом вопросе. Бросались в глаза и правительственные меры, направленные на ограничение активности русской эмиграции на территории Югославии, что расценивалось как акт доброй воли и особый сигнал Советам в том духе, что югославская сторона желает нормализации взаимоотношений²⁸.

Инициатива Нинчича получила продолжение и по другим каналам. В Одессу прибыл профессор Белградского университета Стеван Димитриевич с целью проверки работы югославского представителя по оказанию помощи голодающим в России²⁹. Он передал послание Нинчича о том, что тот остается решительным сторонником нормализации отношений с Советами и что он сделает все, чтобы восстановить их как можно скорее³⁰. Никола Пашич также поручил ему, среди прочего, сообщить советской стороне, что Югославия не будет вмешиваться во внутренние дела СССР, считая всех русских «братьями», независимо от их политической принадлежности. Все это должно было послужить сигналом югославской готовности к дальнейшим переговорам³¹. Нинчич подчеркнул, что сербские патриотические круги крайне раздражает тот факт, что чехословаки, особенно чехи, используют свои связи с Советами в международных контактах, намереваясь добиться не только установления своей гегемонии внутри Малой Антанты, но и навязать себя в качестве посредника между Югославией и СССР. Советской стороне такое поведение чехословаков казалось особенно подозрительным³². Обоснованность этих подозрений подтвердилась и

²⁸ Britanci o Kraljevini Jugoslaviji 1921–1930. Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938 / prired. Ž. Avramovski. Zagreb: Globus, 1986. S. 176. Knjiga prva (1921–1930).

²⁹ Большая кампания помощи голодающим в России началась в 1921 г. В Загребе и Белграде были образованы специальные комитеты, при этом белградский комитет имел полуофициальный статус. Среди общественности развернулось широкое движение, которое особенно поощрялось прессой Радикальной партии. С одобрения министра Нинчича, несмотря на противодействие правительственного делегата в Лиге Наций в Женеве, в Россию был направлен специальный представитель Народного комитета помощи голодающим. В Югославию он вернулся на исходе 1923 г. С конца 1921 г. на средства Королевства СХС было собрано продовольствие для 25 000 человек в 22 населенных пунктах. Только в Белграде было собрано около 4,2 млн динаров помощи. См.: *Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929...* S. 120.

³⁰ Советско-югославские отношения... С. 150–151. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина представителю СССР в Чехословакии К.К. Юренёву по вопросу нормализации отношений между СССР и Королевством СХС, 5 декабря 1923 г.)

³¹ *Vinaver V. Pašić, radikali i pitanje...* S. 224.

³² Советско-югославские отношения... С. 150–151. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г.В. Чичерина представителю СССР в Чехословакии К.К. Юренёву по вопросу нормализации отношений между СССР и Королевством СХС, 5 декабря 1923 г.)

в ходе состоявшихся 3 января 1924 г. переговоров советского посланника в Праге Юренёва с чехословацким министром иностранных дел Бенешем. Тот открыто заявил, что, по его мнению, Югославия не имеет какой-либо стабильной политической линии по отношению к Советскому Союзу и что ее позиция зависит от исхода «борьбы между различными группами карьеристов». Он предложил Советам не спешить с установлением отношений с Белградом и дожидаться признания великими державами, затем Чехословакией, а после этого признание Югославией произойдет естественным образом. Бенеш также предупредил, что предстоящая конференция Малой Антанты не принесет никаких результатов по «русскому вопросу»³³.

Одновременно с этим представитель Чехословакии в Белграде Ян Шеба, по его собственным словам, работал над сближением Югославии и Советского Союза. Апеллируя к той роли, которую царская Россия играла для Королевства Сербия, он пытался внушить влиятельным белградским политикам идею сближения с СССР. Он считал необходимым побудить к более решительным выступлениям приверженцев нормализации югославско-советских отношений, а именно, лидера демократов Любу Давидовича и молодое (по сравнению с Пашичем. — *Прим. переводчика*) поколение радикалов, таких как Милош Трифунович, Веля Вукичевич и Момчило Нинчич. Шеба считал, что король Александр, получивший образование в царской России, в силу ряда личных причин, в том числе из-за проблем его сестры Елены с большевиками, а также ввиду ярко выраженного влияния русских эмигрантов при дворе, не может сделать более решительный поворот в сторону Советов. Что касается Пашича, то он, будучи стариком, твердо верил в восстановление старых порядков в России. При этом дипломат отмечал, что под влиянием новых политических событий и личных впечатлений племянника Петра, только что вернувшегося из Советского Союза, Пашич постепенно начал менять свое непримиримое отношение к советской власти. Он также считал, что в процессе сближения с Советским Союзом важную роль должна сыграть Хорватская республиканская партия Степана Радича, которая была единственной гражданской политической партией, выступавшей за это. Препятствием на этом пути Шеба называл республиканскую программу партии, которая не могла вызывать доверия у короля Александра³⁴.

Советы внимательно отслеживали отношение югославских и особенно сербских общественных кругов к проблеме взаимного признания. Позиция влиятельных сербских Демократической и Земледельческой партий, высту-

³³ Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 7: 1 января — 31 декабря 1924 г. / ред. колл. Г.К. Деев, В.Ф. Клочко, А.И. Лаврентьев, В.З. Лебедев, С.Л. Тихвинский. С. 13. (Сообщение Представителя СССР в Чехословакии о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Бенешем 3 января 1924 г.)

³⁴ Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. S. 188–190.

павших за разрешение конфликта с Советами, вселяла в них надежду. Однако Москву насторожило известие, что правительство, приступив по предложению министра Нинчича к рассмотрению вопроса, решило отложить его до возвращения Н. Пашича, непримиримая позиция которого считалась главным препятствием к установлению регулярного дипломатического общения. До советского посольства в Праге доходили слухи, что король Александр категорически против переговоров с Советами, и поэтому открытие югославо-советских переговоров «висит в воздухе»³⁵.

Интересующий нас вопрос поднимался на совещании министров иностранных дел Малой Антанты, но сразу выяснилось, что взгляды правительств трех стран на этот счет расходятся. Поэтому было решено, что каждое из государств должно подойти к вопросу с позиции своих интересов и принять соответствующее решение самостоятельно. Эта позиция была подтверждена на совещании министров иностранных дел Малой Антанты в Любляне³⁶. На практике признание Советского Союза было временно отложено, но сам Никола Пашич считал, что следует наладить какие-то связи с Советами. Таким образом, предложение чехословацкого министра Бенеша об установлении отношений с СССР было отклонено. При этом его правительство ни в коем случае не хотело налагать на себя какие-либо ограничения, связанные с конфликтом Румынии и СССР по проблеме Бессарабии³⁷. Чехословацкая дипломатия считала М. Нинчича одним из самых ярых сторонников сближения с Советским Союзом. А в публичных заявлениях бывшего сербского посланника в России Мирослава Спалайковича — принципиального противника нормализации югославо-советских отношений — чехословаки усматривали недовольство Пашича работой Нинчича. Из этого вытекало предположение, что Спалайкович может заменить Нинчича на посту министра иностранных дел³⁸.

Перспектива восстановления дипломатических связей с Советским Союзом вызывала противоречивую реакцию югославских дипломатов. С одной стороны, считалось, что присутствие в Москве значительного числа иностранных представителей увеличит возможности влияния на принятие большевиками внутри- и внешнеполитических решений. Раздавались голоса, что следует всячески пресекать возможность советской пропаганды, то есть невзирая на постоянные советские обещания не вести политической агитации в странах, с которыми они установят дипломатиче-

³⁵ Советско-югославские отношения... С. 151–153. (Письмо представителя СССР в Чехословакии К.К. Юренёва зам. наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинову о противоборстве политических сил в Королевстве СХС по вопросу признания СССР, 5 декабря 1923 г.)

³⁶ *Krizman B. Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941... S. 70.*

³⁷ О расхождении стран-членов Малой Антанты по проблеме признания СССР подробнее см.: *Sládek Z. Malá dohoda 1919–1938. Praha: Karolinum, 2000. S. 31–33.*

³⁸ *Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. S. 191–192.*

ские отношения, следует настаивать на твердых гарантиях, закрепленных в межгосударственных соглашениях. Это позволило бы активно пресекать большевистскую пропаганду, если бы она имела место. Звучало опасение, что ее мишенью станут «слабые места» в государстве, что существующие межпартийные трения будут использоваться, дабы вызвать «смуту и беды в стране», а также поощрить существующие межэтнические противоречия.

Прогнозы относительно будущего советской власти строились на основе иллюзий и незнания реального положения вещей. Многие выражали мнение, что большевистское правительство, несмотря на несомненную способность приспосабливаться к обстоятельствам, не может продержаться более нескольких лет, поскольку настаивает на «протivoестественном союзе рабочих и крестьян». Невозможность такого союза объяснялась тем, что их интересы «больше конфликтуют, чем совпадают». Также считалось, что плохое экономическое и финансовое положение не позволит сформировать «постоянный и устойчивый государственный и общественный аппарат» и что в этом главная причина лавирования большевистского режима, его апелляций к русскому патриотизму и поиска союзников среди бескомпромиссных русских националистов³⁹. Страхи, вызванные террористическими актами и убийствами, совершенными коммунистами, смешивались с предубеждениями, неизвестностью и непроверенной информацией, что вызывало замешательство у югославской стороны. Понимание необходимости восстановить традиционные связи натолкнулось на опасения по поводу характера большевистского режима и его возможных действий на Балканах.

В такой обстановке министерство иностранных дел Югославии приняло важный шаг в направлении установления дипломатических отношений с Советским Союзом. А именно, 6 марта 1924 г. русскому депутату Штрандтману было сообщено, что его миссия окончена и что в дальнейшем он будет рассматриваться исключительно как делегат по вопросу о русских беженцах в Югославии⁴⁰. Многие были склонны интерпретировать этот шаг как предвестие быстрого урегулирования спорных вопросов. Однако с советской стороны поступали противоречивые сигналы. Хотя Москва официально поддерживала территориальную целостность Югославии, Коминтерн на V конгрессе озвучил позицию, согласно которой югославское государство как детище «западноевропейского империализма» должно было быть уничтожено. Советское правительство пыталось

³⁹ А.Л. Ф. 388. Посланство Краљевине Југославије у Паризу. Фасц. 105. 80. (Извештај генералног конзулата Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца у Финској Министарству иностраних послова од 20. августа 1923.)

⁴⁰ А.Л. Ф. 334. Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. ПО. Фасц. 17. Д. 47. (Писмо Момчила Нинчића Василију Штрандману од 4. априла 1924.); *Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927). *Россия/СССР и државност Србије/Југославије = Русија/СССР и државност Србије/Југославије* / отв. ред. С. Рудич, К.В. Никифоров. Белград: Историјски институт; М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 319–342.

сгладить негативное впечатление, обнаружив декларацию по международным вопросам, в которой решительно выступило за реорганизацию югославского государства на федеративной основе (Словения, Хорватия, Далмация, Сербия, Черногория и Македония), что позволило бы избежать войны в будущем⁴¹. Хотя речь шла о более миролюбивом варианте, создавалось ощущение, что имело место явное вмешательство во внутренние дела суверенного государства, которое только усиливало исключительную настороженность Белграда по отношению к Советам. Спустя несколько месяцев, 30 марта 1925 г., сам Сталин в своем выражено полемическом выступлении заявил, что в контексте национального вопроса в Югославии право на отделение не должно трактоваться как неизбежное образование независимого государства. Он также подверг резкой критике некоторые прозвучавшие с советской стороны требования, что «хорваты должны образовать независимое государство». Для него это была «неправильная точка зрения, которую необходимо отвергнуть»⁴². Однако даже прямое вмешательство Сталина не смогло смягчить негативное впечатление, сложившееся у югославских официальных лиц.

Дипломатические шаги, предпринятые Королевством СХС сразу после окончания Первой мировой войны и направленные на нормализацию отношений с крупнейшей и важнейшей славянской страной, совпали с усилиями революционных властей России выйти из изоляции и занять свое место в международном сообществе. Хотя взаимные интересы диктовали быструю и эффективную нормализацию и возвращение взаимоотношений в нормальное состояние, ряд факторов обусловил провал переговоров. Неоднократно начинавшиеся переговоры дипломатических представителей, аккредитованных в европейских столицах, непосредственные встречи глав дипломатических ведомств, а также специальные формы межгосударственной коммуникации — все перечисленное разбивалось о непреодолимое препятствие. А именно, опасения Югославии, что взаимное признание приведет к усилению роли коммунистов в обществе и что большевистская пропаганда подорвет основания существующего государственного строя. Кроме того, особые подозрения вызывала негласная, а зачастую и прямая поддержка Советами различных сепаратистских политических группировок в Югославии. Хотя большая часть общества, а также ряд авторитетных политических факторов решительно поддерживали сближение с Советами, наиболее влиятельные деятели Радикальной партии и особенно Никола Пашич относились к этой идее настороженно.

Перевод с сербского А.А. Силкина

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 2-5. (Протоколы 4, 19 июня 1924 г.)

⁴² Dragović V. SSSR. Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika. Beograd: Nolit, 1940. S. 118.

Источники

- Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 13. П. 76. Д. 1096.
- Архив Југославије. Ф. 334 (Министарство иностраних послова Краљевине Југославије). ПО. Фасц. 17. Д. 47.
- Архив Југославије. Ф. 341 (Посланство у Лондону). К. 31. А.Ј. 104. 5453.
- Архив Југославије. Ф. 388. Посланство Краљевине Југославије у Паризу. Фасц. 105. 80.
- Архив Српске академије наука и уметности. 14387 — Оставштина Милана Антића. 8500.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 2–5.
- Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов. М.: Российский институт стратегических исследований; Российское военно-историческое общество; Институт И. Андрича — Отдел истории, 2014.
- Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 6: 20 ноября 1922 г. — 31 декабря 1923 г. / ред. колл. Г.К. Деев, А.Ф. Добрынин, П.И. Ершов, М.А. Костылев, Н.В. Матковский, М.В. Попов. С. 403.
- Документы внешней политики СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 7: 1 января — 31 декабря 1924 г. / ред. колл. Г.К. Деев, В.Ф. Клочко, А.И. Лаврентьев, В.З. Лебедев, С.Л. Тихвинский. С. 13.
- Јовановић Р. Ст.* Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд: Р. Ст. Јовановић, 1925.
- Максимовић В.* Споменица Прве српске добровољачке дивизије 1916–1926. Београд: Просвета, 1926.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных архивов начала — середины 1920-х годов) / под ред. Р.П. Гришиной. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1.
- Никола Пашић у Народној скупштини / приређ. Ђ. Станковић. Београд: Службени лист СРЈ, 1998. Књ. IV.
- Нинчић М.* Спољна политика Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца у год. 1922–24. Говори и експозе у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924.
- Советско-югославские отношения, 1917–1941 гг.: сборник документов и материалов / отв. ред. В.В. Зеленин, С. Цветкович. М.: Наука, 1992. С. 103.
- Трубецки Г.Н.* Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд: Просвета, 1994.
- Цвјетиша Ф.* Односи са Совјетском Русијом. Прилог дискусији у Народној скупштини. Београд: Г. Кон, 1924.
- Штрандман В.* Балканске успомене. Београд: Жагор, 2009.

- Britanci o Kraljevini Jugoslaviji 1921–1930. Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938 / priređ. Ž. Avramovski. Zagreb: Globus, 1986. Knjiga prva (1921–1930).
- Dragović V.* SSSR. Savez Sovjetskih Socijalističkih Republika. Beograd: Nolit, 1940. S. 118.
- Šeba J.* Paměti legionáře a diplomata. Praha: Historický ústav, 2016.

Литература

- Айранетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М.: Кучково поле, 2014–2015. Т. I–IV.
- Белоемиграција у Југославији 1918–1941 / приређ. Т. Миленковић, М. Павловић. Београд: Институт за савремену историју, 2006. Т. I–II.
- Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Димић Љ., Радојевић М.* Србија у Великом рату (1914–1918). Кратка историја. Београд: СКЗ; Београдски форум за свет равноправних, 2014.
- Добровольци у ослободилачким ратовима Срба и Црногораца: зборник радова са научног скупа одржаног у Кикинди 11. и 12. априла 1996. / уред. П. Качавенда. Београд: Удружење ратних добровољаца 1912–1918, њихових потомака и поштовалаца; Кикинда: Комуна, 1996.
- Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923–1927). Россия/СССР и государственность Сербии/Югославии = Русија/СССР и државност Србије/Југославије / отв. ред. С. Рудич, К.В. Никифоров. Белград: Историјски институт; М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 299–322.
- За балканским фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002.
- Јовановић И., Рајковић С., Рибар В.* Југословенски добровољачки корпус у Русији. Прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд: Војно дело, 1954.
- Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996.
- Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја штампа, 2006.
- Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 / приређ. Н. Поповић. Београд: Удружење добровољаца 1912–1918, 1977.
- Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд: Трасо; Институт за савремену историју, 1998.
- Миленковић Т.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004.
- Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд: Српска књижевна задруга, 1984.
- Мицић М.* Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар, 2016.

- Мицић М.* Српски добровољци 1914–1918: животи, сећања. Ново Милошево: Банатски културни центар; Српска Црња: Народна библиотека «Ђура Јакшић», 2016.
- Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату 1914–1918. Ново Милошево: Банатски културни центар; Београд: Радио-телевизија Србије, 2014.
- Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд: Службени гласник, 2007.
- Поповић Н.Б.* Јован Миланковић, последњи српски дипломата у царској Русији. Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века / уред. М. Војводић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2011. С. 185–203.
- Поповић Н.Б.* Србија и Руска револуција 1917–1918. Београд: Завод за уџбенике, 2014.
- Романенко С.А.* Советско-југославске одношeња в контексте ситуације в Централно-Восточној и Југо-Восточној Европе в 1920-е гг. Електронни научно-образователни журнал «История». 2019. Т. 10. № 6(80). С. 15. <https://doi.org/10.18254/S207987840005991-9>
- Руска војна помоћ Србији за време Првог светског рата / приређ. А. Тимофејев, Д. Кремић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2014.
- Силкин А.А.* «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году. Славяноведение. 2021. № 5. С. 16–32. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0016742-9>
- Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд: БИГЗ, 1995.
- Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар: Задужбина «Никола Пашић», 1995.
- Тимофеев А.Ю.* Февральская революция 1917 г. и Сербия. Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 16–40. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40>
- Krizman B.* Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb: Školska knjiga, 1975.
- Silkin A.* Delatnost Centralnog jugoslovenskog biroa pri CK RKP(b) u Moskvi 1920–1921. Istorija 20. veka. 2021. № 2. S. 261–278. <https://doi.org/10.29362/ist20veka.2021.2.sil.261-278>
- Sládek Z.* Malá dohoda 1919–1938. Praha: Karolinum, 2000.
- Vinaver V.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929: pitanje priznanja SSSR-a i uspostavljanje jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. Istorija XX veka. 1965. Knj. VII. S. 93–186.
- Vinaver V.* Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926). Pregled. 1967. № 9. S. 221–231.

References

- Airapetov, O.R., 2014–2015. *The Particpance of the Russian Empire in World War I (1914–1917)*. Moscow: Kuchkovo pole. Vol. I–IV. (in Russian)
- Đimić, Lj., Radojević, M., 2014. *Serbia in the Great War (1914–1918). A Short History*. Belgrade: SKZ; Beogradski forum za svet ravnopravnih. (In Serbian)

- Jovanović, I., Rajković, S., Ribar, V., 1954. *Yugoslav Volunteer Corps in Russia. A Contribution to the History of the Volunteer Movement (1914–1918)*. Belgrade: Vojno delo. (In Serbian)
- Jovanović, M., 1996. *Immigration of the Russian Refugees to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes*. Belgrade: Stubovi kulture. (In Serbian)
- Jovanović, M., 2006. *Russian Emigrants in Balkans (1920–1940)*. Belgrade: Čigoja štampa. (In Serbian)
- Kačavenda, P., ed., 1996. *Volunteers in Liberation Wars of Serbs and Montenegrins: Proceedings from the Scientific Conference Held in Kikinda on April 11 and 12, 1996*. Belgrade: Udruženje ratnih dobrovoljaca 1912–1918, njihovih potomaka i poštovalaca; Kikinda: Komuna. (In Serbian)
- Krizman, B., 1975. *Vanjska politika jugoslovenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled*. Zagreb: Školska knjiga.
- Mićić, M., 2014. *The Question of Serbian Volunteers in the Great War 1914–1918*. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar; Belgrade: Radio-televizija Srbije. (In Serbian)
- Mićić, M., 2016. *An Unforgettable Battle. Serbian Volunteers in Russia 1914–1918*. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar. (In Serbian)
- Mićić, M., 2016. *Serbian Volunteers in 1914–1918: lives, memories*. Novo Miloševo: Banatski kulturni centar; Srpska Crnja: Narodna biblioteka “Žura Jakšić”. (In Serbian)
- Milenković, T., 1998. *Kalmyks in Serbia 1920–1944*. Belgrade: Traco; Institut za savremenu istoriju. (In Serbian)
- Milenković, T., 2004. *Teaching of Children of the Emigrants from Russia in Yugoslavia 1919–1941*. Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. (In Serbian)
- Milenković, T., Pavlović, M., eds., 2006. *White Russian émigrés in Yugoslavia 1918–1941*. Belgrade: Institut za savremenu istoriju. Vol. I–II. (In Serbian)
- Mitrović, A., 1984. *Serbia in World War I*. Belgrade: Srpska književna zadruga. (In Serbian)
- Popović, N., ed., 1977. *Yugoslav Volunteers in Russia 1914–1918*. Belgrade: Udruženje dobrovoljaca 1912–1918. (In Serbian)
- Popović, N., 2007. *Serbia and Tsarist Russia*. Belgrade: Službeni glasnik. (In Serbian)
- Popović, N.B., 2011. Jovan Milanković, the Last Serbian Diplomat in Tsarist Russia. In: M. Vojvodić, ed., 2011. *Serbian-Russian Relations from the Beginning of XVIII Century to the End of XX Century*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti, pp. 185–203. (In Serbian)
- Popović, N.B., 2014. *Serbia and the Russian Revolution 1917–1918*. Belgrade: Zavod za udžbenike. (In Serbian)
- Romanenko, S.A., 2019. Soviet-Yugoslav Relations in the Context of Situation of the Central-Eastern and South-Eastern Europe in 1920s. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, 10, 6(80), p. 15. <https://doi.org/10.18254/S207987840005991-9> (In Russian)
- Timofejev, A., Kremić, D., eds., 2014. *Russian Military Assistance during World War I*. Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije. (In Serbian)

- Silkin, A., 2021. Delatnost Centralnog jugoslovenskog biroa pri CK RKP(b) u Moskvi 1920–1921. *Istorija 20. veka*, 2, pp. 261–278. <https://doi.org/10.29362/ist20veka.2021.2.sil.261-278>
- Silkin, A.A., 2021. “At night VChK arrested comrade head of the Bureau”: liquidation of the Central Yugoslavian Bureau under the Central Committee of the RCP(b) in 1921. *Slavic Studies*, 5, pp. 16–32. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0016742-9> (In Russian)
- Sládek, Z., 2000. *Malá dohoda 1919–1938*. Praha: Karolinum.
- Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić and the Croats (1918–1923)*. Belgrade: BIGZ. (In Serbian)
- Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić, the Allies and the Creation of the Yugoslav State*. Zaječar: Zadužbina “Nikola Pašić”. (In Serbian)
- Timofeev, A. Iu., 2017. The February Revolution of 1917 and Serbia. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3(54), pp. 16–40. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-16-40> (In Russian)
- Vinaver, V., 1965. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929: pitanje priznanja SSSR-a i uspostavljanje jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. *Istorija XX veka*, VII, pp. 93–186.
- Vinaver, V., 1967. Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926). *Pregled*, IX, pp. 221–231.
- Vinogradov, V.N., ed., 2002. *Behind the Balkan Front Lines of World War I*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Vishniakov, Ia.V., Timofeev, A.Iu., Miloradovich, G., 2018. *On Distant Boundaries: Russia and Serbia in the Years of World War I*. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian)
- Životić, A., 2018. Attempt at Establishing Diplomatic Relations Between Yugoslavia and the Soviet Union (1923–1927). In: S. Rudich, K.V. Nikiforov, eds., 2018. *Russia/USSR and the Nation-Building of Serbia/Yugoslavia*. Belgrade: Istorijski institut; Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 299–322. (In Serbian)